

ЛЕВ ТРОЦКИЙ

ТРИ ГЛАВНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Целомудренная бюрократия приказывает статистике молчать

ПРЕДАННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Подвели пролетариат под нож

ТЕРРОРИЗМ И КОММУНИЗМ

История не идет прямолинейно

ПЕРМАНЕНТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

МОСКВА

УДК 32(091)
ББК 66.1(0)
Т76

Троцкий, Лев Давидович.
Т76 Троцкий. Преданная революция. Терроризм и коммунизм. Перманентная революция / Лев Троцкий. — Москва : Эксмо, 2026. — 720 с. — (3 главных произведения. Библиотека избранных сочинений).

ISBN 978-5-04-252687-9

Судьба Октябрьской революции и природа советского государства — темы, к которым Лев Троцкий возвращался на протяжении всей политической эмиграции. Один из руководителей революции 1917 года и создатель Красной армии, он одним из первых в марксистской традиции попытался объяснить, что произошло с властью в СССР после смерти Ленина и почему советская практика разошлась с революционными идеалами.

В сборник вошли три ключевых произведения автора: «Преданная революция», «Терроризм и коммунизм» и «Перманентная революция». В первой Троцкий анализирует бюрократическое перерождение советской власти при Сталине и ставит вопрос о будущем СССР. Вторая, полемика 1920 года с Карлом Каутским, посвящена революционному террору и диктатуре пролетариата в условиях Гражданской войны. Третья излагает теорию перманентной революции, одну из центральных идей троцкизма, и фиксирует расхождение автора со сталинской концепцией «социализма в одной стране».

Книга будет интересна всем, кто изучает историю российской революции, советскую политическую систему и историю марксистской мысли XX века.

УДК 32(091)
ББК 66.1(0)

ISBN 978-5-04-252687-9

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Преданная революция	5
Терроризм и коммунизм	297
Перманентная революция.	559

ПРЕДАННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

АВТОРСКИЕ ПРЕДИСЛОВИЯ

К испанскому изданию 1937 г.

Эта книга писалась в тот период, когда могущество советской бюрократии казалось незыблемым, а ее авторитет — неоспоримым. Опасность со стороны германского фашизма, естественно, повернула симпатии демократических кругов Европы и Америки в сторону Советов. Английские, французские и чехословацкие генералы присутствовали на маневрах Красной армии и воздавали хвалы ее офицерам, ее солдатам, ее технике. Хвалы эти были вполне заслуженны. Имена генералов Якира и Уборевича, командовавших Украинским и Белорусским военными округами, с уважением назывались в те дни на страницах мировой печати. В маршале Тухачевском вполне основательно видели будущего генералиссимуса. В то же время многочисленные «левые» иностранные журналисты, притом не только господа типа Дуранти, но и вполне добросовестные люди, с восторгом писали о новой советской конституции как о «самой демократической в мире».

Если б эта книга появилась сразу же после ее написания, многие выводы ее казались бы парадоксальными, или, еще хуже, продиктованными личным пристрастием. Но некоторые «случайности» судьбы автора привели к тому, что книга вышла в разных странах со значительным запозданием. За это время успела разыгаться серия московских процессов, потрясших весь мир. Вся старая большевистская гвардия подвергнута физическому истреблению. Расстреляны организаторы партии, участники Октябрьской революции, строители Советского государства, руководители промыш-

ленности, герои Гражданской войны, лучшие генералы Красной армии, в том числе названные выше Тухачевский, Якир и Уборевич. В каждой из отдельных республик Советского Союза, в каждой из областей, в каждом районе происходит кровавая чистка, не менее свирепая, чем в Москве, но более анонимная. Под аккомпанемент массовых расстрелов, сметающих с земли поколение революции, идет подготовка «самых демократических в мире» выборов. В действительности, предстоит один из тех плебисцитов, секрет которых так хорошо известен Гитлеру и Геббельсу. Будет ли иметь Сталин за себя 100%, или «только» 98,5%, зависит не от населения, а от предписания, данного сверху местным носителям бонапартистской диктатуры. Будущий московский «рейхстаг» имеет своим назначением — это можно предсказать заранее — короновать личную власть Сталина под именем ли полномочного президента, пожизненного вождя, несменяемого консула или — кто знает? — императора. Во всяком случае, слишком усердные иностранные «друзья», певшие гимны сталинской «конституции», рискуют попасть в затруднительное положение. Мы заранее выражаем им наше соболезнование.

Истребление революционного поколения и беспощадная чистка среди молодежи свидетельствует о страшном напряжении противоречия между бюрократией и народом. Мы пытались в настоящей книге дать социальный и политический анализ этого противоречия прежде, чем оно так бурно прорвалось наружу. Те выводы, которые могли казаться всего год тому назад парадоксальными, сегодня стоят перед глазами человечества во всей своей трагической реальности.

Некоторые из официальных «друзей», усердие которых оплачивается полновесными червонцами, как, впрочем, и валютой других стран, имели бесстыдство упрекать автора в том, что его книга помогает фашизму. Как будто кровавые расправы и судебные подлоги не были известны мировой ре-

акции без этой книги! На деле советская бюрократия является сейчас одним из самых злокачественных отрядов мировой реакции. Отождествлять Октябрьскую революцию и народы СССР с правящей кастой — значит предавать интересы трудящихся и помогать реакции. Кто действительно хочет служить делу освобождения человечества, тот должен иметь мужество глядеть в глаза правде, как бы горька она ни была. Эта книга говорит о Советском Союзе правду. Она проникнута духом непримиримой вражды к новой касте насильников и эксплуататоров. Тем самым она служит действительным интересам трудящихся и делу социализма.

Автор твердо рассчитывает на сочувствие мыслящих и искренних читателей в странах Латинской Америки!

*Л. Троцкий,
5 августа 1937 г.*

Задача настоящей работы

Буржуазный мир сперва пытался притвориться, будто не замечает хозяйственных успехов советского режима, т. е. опытного доказательства жизненности методов социализма. От небывалых в мировой истории темпов промышленного развития ученые экономисты капитала и сейчас еще пытаются нередко глубокомысленно отмолчаться либо ограничиваются ссылками на чрезвычайную «эксплуатацию крестьян». Они упускают, однако, прекрасный случай объяснить, почему зверская эксплуатация крестьян, например в Китае, в Японии или в Индии, никогда не давала промышленных темпов, сколько-нибудь приближающихся к советским.

Факты, однако, делают свое дело. Сейчас книжный рынок всех цивилизованных стран завален книгами о Советском Союзе. Немудрено: такие феномены встречаются не часто. Литера-

тура, продиктованная слепой реакционной ненавистью, занимает все меньше места; очень значительная часть новейших произведений о Советском Союзе, наоборот, все более окрашивается в благожелательные, если не восторженные тона. Как признак улучшения международной репутации государства-высочки обилие просоветской литературы можно только приветствовать. К тому же неизмеримо похвальнее идеализировать СССР, чем фашистскую Италию. Читатель, однако, напрасно стал бы искать на страницах этой литературы научную оценку того, что действительно происходит в стране Октябрьской революции.

По типу своему произведения «друзей СССР» принадлежат к трем главным категориям. Дилетантский журнализм, описательный жанр, более или менее «левый» репортаж, составляет главную массу статей и книг. Рядом с ними, хотя и с большими претензиями, стоят произведения гуманитарного, пацифистского, лирического «коммунизма». Третье место занимает экономическая схематизация в духе старонемецкого катедер-социализма. Луи Фишер и Дюранти являются достаточно известными представителями первого типа. Покойные Барбюс и Ромен Роллан лучше всего представляют категорию гуманитарных «друзей»: недаром, прежде чем прийти к Сталину, первый написал жизнеописание Христа, а второй биографию Ганди. Наконец, консервативно-педантический социализм нашел наиболее авторитетных своих представителей в неутомимой фабианской чете Веббов.

Что объединяет эти три категории при всем их различии, это преклонение пред совершившимся фактом и пристрастие к успокоительным обобщениям. Восстать против собственного капитализма они не в силах. Тем охотнее готовы они опереться на чужую революцию, уже вошедшую в берега. До Октябрьского переворота и в течение ряда лет после него никто из этих людей или их духовных отцов серьезно не думал о том, какими путями социализм придет в мир. Тем легче им признать социа-

лизмом то, что имеется в СССР. Это дает им самим не только рельеф прогрессивных людей, идущих в ногу с эпохой, но и некоторую моральную устойчивость и в то же время решительно ни к чему не обязывает. Такого рода созерцательная, оптимистическая, отнюдь не разрушительная литература, которая все неприятности видит позади, очень успокоительно действует на нервы читателя и потому встречает благожелательный прием. Так незаметно складывается международная школа, которую можно назвать большевизмом для просвещенной буржуазии, или, несколько уже, социализмом для радикальных туристов.

Мы не собираемся полемизировать с произведениями этого типа, так как они не дают серьезных поводов для полемики. Вопросы для них кончаются там, где они в действительности только начинаются. Задача настоящего исследования — правильно оценить то, что есть, чтоб лучше понять то, что становится. На вчерашнем дне мы задержимся постольку, поскольку это поможет нам лучше предвидеть завтрашний. Наше изложение будет носить критический характер. Кто склоняется пред совершившимся, тот не способен готовить будущее.

Процесс экономического и культурного развития СССР оставил позади уже несколько этапов, но далеко не достиг еще внутреннего равновесия. Если считать, что задачей социализма является создание бесклассового общества, основанного на солидарности и гармоническом удовлетворении всех потребностей, то в этом основном смысле в СССР социализма еще нет и в помине. Правда, противоречия советского общества глубоко отличаются по природе своей от противоречий капитализма, но имеют тем не менее очень напряженный характер. Они находят свое выражение в материальном и культурном неравенстве, в государственных репрессиях, в политических группировках и в борьбе фракций. Полицейский гнет приглушает и искажает политическую борьбу, но не устраняет ее. Идеи, которые объявляются запретными, оказывают на каждом шагу влияние на политику правительства, оплодотво-

рая ее или противодействуя ей. В этих условиях анализ развития Советского Союза не может быть ни на минуту отделен от сопоставления идей и лозунгов, под которыми ведется в стране приглушенная, но страстная политическая борьба. История здесь непосредственно сливается с живой политикой.

Благомыслящие «левые» филистеры любят повторять, что в критике Советского Союза нужна крайняя осторожность, чтоб не повредить социалистическому строительству. Мы, со своей стороны, отнюдь не считаем советское государство столь шатким строением. Враги СССР осведомлены о нем гораздо лучше, чем его действительные друзья, т. е. рабочие всех стран. В генеральных штабах империалистских государств ведется точный учет плюсам и минусам Советского Союза, и не только на основании публичных отчетов. Враги могут, к несчастью, использовать слабые стороны рабочего государства, но ни в каком случае не критику тех его тенденций, которые сами они считают его положительными чертами. В неприязненном отношении к критике со стороны большинства официальных «друзей» скрывается на самом деле страх не столько за хрупкость Союза, сколько за хрупкость собственных симпатий к нему. Пройдем же спокойно мимо предостережений и опасений такого рода. Решают факты, а не иллюзии. Мы хотим показать лицо, а не маску.

*Л. Троцкий,
4 августа 1936 г.*

Глава 1

ЧТО ДОСТИГНУТО?

Важнейшие показатели промышленного роста

В силу ничтожества русской буржуазии демократические задачи отсталой России, как ликвидация монархии и полукрепостной кабалы крестьянства, могли быть разрешены не иначе, как через диктатуру пролетариата. Завоевав власть во главе крестьянских масс, пролетариат не мог, однако, остановиться на демократических задачах. Буржуазная революция непосредственно переплелась с первой стадией социалистической. Факт этот не случаен. История последних десятилетий особенно наглядно свидетельствует, что в условиях капиталистического упадка отсталые страны лишены возможности достигнуть того уровня, которого успели достигнуть старые метрополии капитала. Упершись сами в тупик, цивилизаторы преграждают дорогу цивилизуемым. Россия вступила на путь пролетарской революции не потому, что ее хозяйство первым созрело для социалистического переворота, а потому, что оно вообще не могло дольше развиваться на капиталистических основах. Обобществление собственности на средства производства стало необходимым условием прежде всего для того, чтобы вывести страну из варварства: таков закон комбинированного развития отсталых стран. Войдя в социалистическую революцию как «самое слабое звено капиталистической цепи» (Ленин) бывшая империя царей и сейчас, на 19-м году после переворота, стоит еще перед задачей «догнать и перегнать» — следовательно, прежде всего догнать — Европу и Америку, т. е. раз-

решить те технические и производственные задачи, которые давно разрешил передовой капитализм.

Да могло ли быть иначе? Низвержение старых господствующих классов не разрешило, а лишь обнажило до конца задачу: подняться от варварства к культуре. В то же время, сосредоточив собственность на средства производства в руках государства, революция дала возможность применять новые, неизмеримо более действенные методы хозяйства. Только благодаря плановому руководству в короткий срок восстановлено то, что было разрушено империалистической и Гражданской войной, созданы новые грандиозные предприятия, введены новые производственные отрасли промышленности.

Чрезвычайное замедление в развитии международной революции, на близкую помощь которой рассчитывали вожди большевистской партии, не только создало для СССР огромные трудности, но и обнаружило исключительные внутренние ресурсы и возможности. Однако правильная оценка достигнутых результатов — их величия, как и их недостаточности — возможна только при помощи международных масштабов. Метод этой работы — историко-социологическое истолкование процесса, а не нагромождение статистических иллюстраций. Однако в интересах дальнейшего изложения необходимо взять за точку отправления некоторые наиболее важные цифровые данные.

Размах индустриализации Советского Союза на фоне застоя и упадка почти всего капиталистического мира неоспоримо выступает из следующих валовых показателей. Промышленная продукция Германии лишь благодаря лихорадке вооружений возвращается в настоящее время к уровню 1929 г. Продукция Великобритании на помочах протекционизма поднялась за те же 6 лет на 3–4%. Промышленная продукция Соединенных Штатов опустилась примерно на 25%, Франции — более чем на 30%. На первом месте по успехам среди

капиталистических стран стоит неистово вооружающаяся и грабящая Япония: ее продукция поднялась почти на 40%! Но и этот исключительный показатель совершенно бледнеет перед динамикой развития Советского Союза: его промышленное производство выросло за тот же период примерно в 3,5 раза, или на 250%. Тяжелая промышленность повысила за последнее десятилетие (1925–1935) свое производство более чем в 10 раз. В первом году пятилетки (1928–1929) капитальные вложения составляли 5,4 миллиарда рублей; на 1936 год намечено 32 миллиарда.

Если ввиду шаткости рубля как единицы измерения оставить в стороне денежные оценки, то слово перейдет к другим, вполне бесспорным измерителям. В декабре 1913 г. Донецкий бассейн дал 2215 тыс. тонн угля; в декабре 1935 г. — 7125 тыс. тонн. За последние три года выплавка чугуна увеличилась в два раза, производство стали и проката почти в 2,5 раза. По сравнению с довоенным уровнем добыча нефти, угля, чугуна поднялась в 3–3,5 раза. В 1920 г., когда составлялся первый план электрификации, в стране было 10 районных станций общей мощностью в 253 тысячи киловатт. В 1935 г. районных станций числилось уже 95 общей мощностью в 4345 тысяч киловатт. В 1925 г. СССР занимал 11-е место по производству электроэнергии; в 1935 г. он уступает лишь Германии и Соединенным Штатам. По добыче угля СССР выдвинулся с 10-го места на 4-е. По выплавке стали — с 6-го на 3-е. По производству тракторов — на первое место в мире. Точно так же и по производству сахара.

Гигантские достижения промышленности, многообещающее начало сельскохозяйственного подъема, чрезвычайное возрастание старых промышленных городов, возникновение новых, быстрое увеличение численности рабочих, подъем культурного уровня и потребностей — таковы бесспорные результаты Октябрьской революции, в которой пророки старого мира хотели видеть могилу человеческой цивилизации.

С господами буржуазными экономистами спорить более не о чем: социализм доказал свое право на победу не на страницах «Капитала», а на хозяйственной арене, составляющей шестую часть земной поверхности; не языком диалектики, а языком железа, цемента и электричества. Если б даже СССР в результате внутренних трудностей, внешних ударов и ошибок руководства потерпел крушение — чего, как мы твердо надеемся, не случится, — остался бы, как залог будущего, тот неискоренимый факт, что только благодаря пролетарской революции отсталая страна совершила менее чем в два десятилетия беспримерные в истории успехи.

Тем самым закончен спор и с реформистами в рабочем движении. Можно ли хоть на минуту сопоставить их мышиную возню с той титанической работой, которую совершает народ, пробужденный революцией к новой жизни? Если бы в 1918 г. социал-демократия в Германии использовала навязанную ей рабочими власть для социалистического переворота, а не для спасения капитализма, нетрудно на основании опыта России понять, какой непреоборимой экономической мощью обладал бы сегодня социалистический массив Центральной и Восточной Европы и значительной части Азии. Исторические преступления реформизма народы мира будут оплачивать новыми войнами и революциями.

Сравнительная оценка достижений

Динамические коэффициенты советской промышленности беспримерны. Но ни сегодня, ни завтра они еще не решают вопроса. Советский Союз поднимается от ужасающе низкого уровня, тогда как капиталистические страны сползают с очень высокого уровня. Соотношение сил на сегодняшний день определяется не динамикой роста, а противопоставлением всего могущества обоих лагерей, как оно выражается в материальных накоплениях, в технике, в культуре и прежде

всего в производительности человеческого труда. Когда мы подходим к делу под этим статическим углом зрения, положение сразу меняется к чрезвычайной невыгоде для СССР.

Формулированный Лениным вопрос «кто кого?» есть вопрос о соотношении сил между СССР и мировым революционным пролетариатом, с одной стороны, и внутренними враждебными силами и мировым капиталом с другой. Хозяйственные успехи СССР дают возможность укрепиться, продвинуться, вооружиться, когда нужно — отступить и выждать, словом, продержаться. Но, по самому существу своему, вопрос «кто кого», не только как военный, но прежде всего как экономический, стоит перед СССР в мировом масштабе. Военная интервенция опасна. Но интервенция дешевых товаров в обозе капиталистических армий была бы несравненно опаснее. Победа пролетариата в одной из западных стран внесла бы, разумеется, сразу радикальное изменение в соотношение сил. Но пока СССР остается изолированным, хуже того, пока европейский пролетариат терпит поражения и отступает, сила советского строя измеряется в последнем счете производительностью труда, которая при товарном хозяйстве выражается в себестоимости и в ценах. Разница между внутренними ценами и ценами мирового рынка представляет собою один из важнейших измерителей соотношения сил. Между тем к этому вопросу советской статистике запрещено даже прикасаться. Причина та, что, несмотря на условия застоя и гниения, капитализм все еще сохраняет за собой огромный перевес в отношении техники, организации и культуры труда.

Традиционная отсталость сельского хозяйства СССР достаточно общеизвестна. Ни в одной из отраслей его еще не достигнуты успехи, которые хоть в отдаленной степени могли бы равняться с успехами промышленности. «Мы еще сильно отстаем, — жаловался, например, в конце 1935 г. Молотов, — от капиталистических стран по урожайности свеклы». В 1934 г. в СССР с гектара получено 82 центнера; в 1935 г. на Украине

при исключительном урожае — 131 центнер. В Чехословакии и в Германии добывают около 250 центнеров, во Франции — свыше 300 с гектара. Жалобу Молотова можно без ограничения распространить на все отрасли сельского хозяйства, на технические, как и на зерновые культуры, в особенности же на животноводство. Правильный севооборот, селекция семян, удобрения, тракторы, комбайны, фермы племенного скота — все это подготавливает поистине грандиозную революцию в обобществленном сельском хозяйстве. Но именно в этой консервативнейшей из областей революция требует времени. Пока же, несмотря на коллективизацию, задача состоит в том, чтоб приближаться к более высоким образцам капиталистического Запада с его мелким фермерским хозяйством.

Борьба за повышение производительности труда в промышленности ведется по двум каналам: усвоения передовой техники и лучшего использования рабочей силы. Возможность воздвигнуть в немногие годы гигантские заводы новейшего типа была обеспечена, с одной стороны, наличием на Западе высокой капиталистической техники, с другой — внутренним режимом планового хозяйства. В этой области идет ассимиляция чужих достижений. Тот факт, что советская промышленность, как и оборудование Красной армии, выросли форсированными темпами, включает в себе огромные потенциальные преимущества. Хозяйство не вынуждено волочить за собою антикварное оборудование, как в Англии или Франции, армия не обречена донашивать устаревшие доспехи. Но тот же лихорадочный рост имеет и отрицательные стороны: между разными элементами хозяйства нет соответствия; люди отстают от техники; руководство не справляется с задачами. Все вместе выражается пока в крайне высокой себестоимости при низком качестве продукции.

«Наши промыслы, — пишет руководитель нефтяной промышленности, — располагают таким же оборудованием, как

и американские, но организация работ на буровой отстала, кадры недостаточно квалифицированы». Многочисленные аварии объясняются «небрежностью, неумением и недостатком технического надзора». Молотов жалуется: «Мы крайне отстали в организации строительного дела... Оно в большинстве случаев ведется по старинке, с безобразным использованием механизмов и оборудования». Такие признания рассеяны по советской печати. Новая техника далеко не дает еще тех результатов, что на своей капиталистической родине.

Валовые успехи тяжелой промышленности представляют огромное завоевание: только на этом фундаменте и можно строить; однако экзаменом современного хозяйства является производство тончайших деталей, которые требуют и технической, и общей культуры. В этой области отсталость Советского Союза еще велика.

В военной промышленности достигнуты, несомненно, наиболее серьезные не только количественные, но и качественные успехи: армия и флот являются самым влиятельным заказчиком и наиболее требовательным приемщиком. Тем не менее в ряде своих публичных речей руководители военного ведомства, в том числе и Ворошилов, не перестают жаловаться: «Мы не всегда полностью удовлетворены качеством той продукции, которую вы даете нам в Красную армию». Нетрудно расслышать тревогу, которая кроется за этими осторожными словами.

Продукция машиностроения, говорит глава тяжелой промышленности в официальном докладе, «должна быть доброкачественной, к сожалению, этого нет...». И далее: «машина у нас дорога». Как всегда, докладчик воздерживается от точных сравнительных данных по отношению к мировому производству.

Трактор представляет гордость советской индустрии. Между тем коэффициент полезного действия тракторов крайне

низок. В течение прошлого хозяйственного года пришлось подвергнуть капитальному ремонту 81% тракторов, причем значительное количество их снова вышло из строя в самый разгар полевых работ. По некоторым исчислениям, машинно-тракторные станции станут рентабельны лишь при урожайности в 20–22 центнера зерна с гектара. Сейчас, когда средний урожай не достигает и половины, государству приходится нести миллиардные расходы на покрытие дефицитов.

Еще хуже обстоит дело с автотранспортом. В Америке грузовая машина пробегает 60 000–80 000, даже 100 000 километров в год; в СССР только 20 000, т. е. в 3–4 раза меньше. Из каждых 100 машин в работе только 55: остальные в ремонте или в ожидании его. Стоимость ремонта в 2 раза превышает стоимость всех выпускаемых новых машин. Немудрено, если по отзыву государственного контроля «автотранспорт ложится исключительно тяжелым бременем на себестоимость продукции».

Повышение провозоспособности железных дорог сопровождается, по словам председателя Совнаркома, «многочисленными авариями и крушениями». Основная причина та же: унаследованная от прошлого низкая культура труда. Борьба за содержание железнодорожных стрелок в опрятном состоянии становится в своем роде героическим актом, о котором премированные стрелочники докладывают в Кремле перед самыми верхушками власти. Водный транспорт, несмотря на успехи последних лет, далеко отстает от железнодорожного. Периодически газеты пестрят сообщениями о «скверной работе морского транспорта», о «непомерно низком качестве ремонта флота» и проч.

В легких отраслях положение еще менее благоприятно, чем в тяжелой. Своеобразный закон советской промышленности можно формулировать так: изделия по общему правилу тем хуже, чем ближе они к массовому потребителю. В тек-